

## ВОСПОМИНАНИЯ ТОМАСА ВАН НЕССА О Л. Н. ТОЛСТОМ

Публикуемые воспоминания принадлежат перу американского священника Томаса Ван Несса, который в 1888 г. был в гостях у Толстого в Ясной Поляне.

Среди американцев — посетителей Толстого, оставивших воспоминания о русском писателе, Томас Ван Несс был третьим. Воспоминания первых двух заокеанских гостей Толстого — Юджина (Евгения) Скайлера (1840—1890), дипломата и политического деятеля, и известного журналиста и путешественника Джорджа Кеннана (1845—1924) — включены в сборник «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников» (М., 1978. Т. 1). Мемуары Ван Несса до сих пор оставались вне поля зрения исследователей творчества Толстого.

Т. Ван Несс (1859—1931) — американский священник-унитариец. Родился в Балтиморе. Учился в Гарвардском университете и в 1883 г. окончил его. В 1884 г. был посвящен в сан унитарийского священника. С 1885 по 1889 г. занимал пост священника в Денвере, в 1889—1893 гг. — в Сан-Франциско, а затем — до 1928 г. — в Бостоне. Ван Несс много путешествовал и выступал с лекциями в Европе. Он автор ряда работ по богословию.

В сентябре 1888 г. Томас Ван Несс посетил в Ясной Поляне Толстого и оставил об этом визите воспоминания «Утро с графом Толстым», напечатанные в феврале 1889 г. в провинциальном богословском журнале «Юнитериэн мэгэзин» (Анн-Арбор). Успех их был так велик, что в том же феврале в сокращенной форме они были перепечатаны одним из центральных бостонских журналов, «Литерэри уорлд», под названием «Утро с Толстым».

Томас Ван Несс посетил Толстого вскоре после серьезного перелома в мировоззрении русского писателя, когда критика существующего миропорядка со стороны Толстого особенно обострилась и приняла в высшей степени своеобразные и сложные формы.

Толстой разоблачал ложь современной ему церкви, суда, милитаризма, буржуазной науки и семейных отношений. В то же время резкая социальная критика Толстого, «срывание всех и всяческих масок»<sup>1</sup> сочетались у него с проповедью идеи «непротивления злу» насилием. В свете сложности толстовских исканий и самого хода идейной борьбы в современном Толстому мире принципиально важно, что у Толстого объективно возникало два рода единомышленников и последователей: те, для которых проповедь писателя открывала путь к радикально-общественным позициям, и единомышленники-«непротивленцы». Так, Толстой оказал большое влияние на формирование социальных взглядов американского общественного деятеля и писателя Эрнеста Кросби (1856—1907). По совету Толстого Э. Кросби стал деятельным сто-

ронником Генри Джорджа (1839—1897), американского экономиста, создателя теории «единого земельного налога», целью которой было достижение равноправия и всеобщего достатка. Э. Кросби стал основателем Лиги социальных реформ в США, разрабатывавшей новые общественные реформы. Он активно боролся против американского империализма, выступал с критикой колониальной политики США<sup>2</sup>.

Критика общественного устройства и морали во второй половине XIX столетия в США принимала противоречивые формы, в том числе и близкие толстовскому морально-философскому кредо. Американского священника-унитариянца Томаса Ван Несса роднила с Толстым общность именно тех духовных взглядов, в которых одним из основных пунктов был принцип антибуржуазно заостренного «непротивления злу».

Хотя Ван Несс был священником, разговор Толстого с ним касался не только религиозных, но и литературных, нравственных вопросов. В воспоминаниях звучат высокие гуманистические слова русского писателя. Интересны и бытовые подробности, живо воссозданные американским посетителем Ясной Поляны. Покоряет его преклонение перед яснополянским мудрецом.

Воспоминания Ван Несса (публ. № 1) содержат материал, интересный не только для современного толстоведения, но и для истории общественной мысли в США.

Вернувшись к себе на Родину, Ван Несс написал Толстому несколько писем, которые писатель, однако, не получил. Не имея ответа, Ван Несс через свою знакомую Екатерину Романову направил Толстому письмо (см. публ. № 2).

К письму американского священника было приложено письмо Е. Романовой (публ. № 3).

В архиве Государственного музея Л. Н. Толстого сохранились оба письма, но без конвертов и без «описания» Ван Нессом «утреннего визита». На последней странице письма Е. Романовой с окончанием на первой странице рукой Толстого написано: «Благодарить за пересылку письма — Романову. Van Ness'у написать, что с удовольствием вспоминаю о его приезде и очень бы одобрил его описани[е], если бы оно не было преувеличено в похвалах. Радуюсь очень тому, что вы пишете о распространяющемся более истинном понимании учения Хр[иста]. Книг, к большому сожалению, о non-resis[tance] не получил. Получил от Вильсона<sup>3</sup> книги Balou и б[ыл] очень рад им. Но это вероятно другое».

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 209.

<sup>2</sup> О Кросби см.: Литературное наследство. М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 395—407.

<sup>3</sup> Уилсон (Вильсон) Льюис Гилберт (Жильберт) (1858—1921) — американский священник и писатель, прислал Толстому книгу Баллу (1803—1890) — американского священника-аболициониста — «Христианское непротивление» (Christian non-resistance) и несколько его брошюр. Указанная книга в яснополянской библиотеке Толстого не сохранилась.

Такова неизвестная доныне история краткого визита американского священника Томаса Ван Несса к Толстому.

Воспоминания Томаса Ван Несса и его письмо публикуются на русском языке впервые. Письмо Романовой также публикуется впервые. Перевод воспоминаний сделан по тексту: *Van Ness Th. A Morning with Count Tolstoi.*— *Unitarian Magazine*, Ann Arbor, 1889, vol. 4, p. 53—60.

В. А. Александров

## № 1

Поклонение героям еще не изжило себя. Мы восхищаемся человеком, чьи сочинения могут внушить нам благородные мысли, побудить нас на лучшие дела. И еще больше восхищает нас человек, чья любовь к народу, выливаясь в практические действия, служит постоянным напоминанием о божественном внутри нас и заставляет нас стыдиться своего низменного образа жизни и эгоистических устремлений.

Когда великий писатель и великий деятель объединены воедино, когда один и тот же человек не только восхитительно пишет, но и живет подобно богу, разве этот человек не заслуживает того, чтобы отправиться навестить его, даже если 6000 миль разделяют вас? Все мы любим великих людей. Я видел Эмерсона<sup>1</sup>, провел утро с Толстым — эти воспоминания я храню в своем сердце более бережно, чем другие. Ощущение своего роста, получение заряда творческой энергии, приобщение к чему-то богоподобному — это невозможно выразить словами, но это чувствуешь сердцем, когда сталкиваешься с великим духом.

Наш романист Хоуэллс<sup>2</sup> ставит Толстого во главе современных романистов. Французы идут еще дальше. Когда Флобер читал Толстого в переводе Тургенева, он громко вскричал, топая при этом ногой: «Это же второй Шекспир!». Каноник Фаррар<sup>3</sup> из епископальной церкви и Майнот Сэвидж<sup>4</sup> из унитарийской церкви и другие богословы добрых двух десятков исповеданий видят в Толстом религиозного учителя и вождя. Историки изучают его со своей точки зрения. Де Вогюз<sup>5</sup> говорил, что всякий, кто хочет понять Россию в девятнадцатом веке, должен читать Толстого, и что всякий, кто берется писать историю этой страны, потерпит полную неудачу, если он не прочтает «Войну и мир» — эту неисчерпаемую сокровищницу национального духа.

Кто же тогда Толстой?

Историк, романист, религиозный реформатор — кто? Он, кажется, по праву претендует на любое это звание. Толстой сочетает в себе всех их и даже более. Он олицетворение современной России, ибо, как говорит Карлейль<sup>6</sup>, «все вещи, которые мы видим сотворенными в этом мире, есть по сути дела внешнее материальное заключение, практическое осуществление и воплощение мыслей великого человека».

Было холодное, бодрящее утро в середине сентября, когда я отправился навестить графа Толстого. Я выехал вечерним поездом из Москвы в Тулу, куда и прибыл около шести часов на следующее утро. В вагоне я имел удовольствие ехать с несколькими русскими помещиками, которые очень свободно отзывались о графе и о его сочинениях, а также о его настоящем предприятии — христианском коммунистическом сообществе. В то

время как эти соотечественники и старые друзья открыто признавали его литературный талант, было ясно видно, что они смотрели на настоящую попытку всемирного братства с чувством добродушной насмешки, что происходило из их веры в то, что граф в настоящее время не в состоянии полностью отвечать за свои поступки. «С небольшой странностью вот здесь,— сказал князь Д., многозначительно постукивая себя по лбу.— Ведь он действительно пытается шить сапоги и причем очень плохие сапоги, которые продает по высокой цене. Этой весной Толстой пытался сложить печь. Недавно я случайно встретил одного из его людей и поинтересовался, как продвигается дело. „О, она развалилась, как мы и ожидали,— ответил человек“,— после чего князь громко рассмеялся над этим несчастным концом самого последнего технического опыта графа, рассмеялась и остальная часть компании, сочтя это хорошей шуткой. Действительно, высшие классы России склонны смотреть на все дела, происходящие в Ясной Поляне, как на огромный бурлеск, самое последнее чудачество самого странного гения. В конце концов хорошо, что они так считают, ибо это насмешливое презрение служит хорошей защитой графу и дает ему возможность делать многие вещи, которые правительство, если бы оно относилось к ним более серьезно, никоим образом не потерпело бы.

Эта беседа, вкупе со многим другим, что я читал в иностранных газетах, сильно разожгли мое желание увидеть, действительно ли реальный человек окажется таким совершенно непохожим на того идеального писателя, которого рисовало мое воображение. Распрощавшись на железнодорожной станции в Туле со своими новыми друзьями, я пошел по мощеным улицам города к Лондонской гостинице, где мне сказали, что я могу сделать все необходимые приготовления для своей дальнейшей поездки в Ясную Поляну. Здесь я встретился с первой трудностью. В этот ранний час я не мог найти около гостиницы никого, кто бы говорил на каком бы то ни было языке, кроме русского. Так как я не ожидал этого, я был совершенно растерян и не знал, как сделать необходимые приготовления для того, чтобы нанять экипаж, возницу и просить доставить меня из Тулы в имение графа и отвезти меня обратно на железнодорожную станцию, чтобы в

---

<sup>1</sup> Эмерсон Ральф Уолдо (1803—1882) — американский писатель и критик, глава философско-литературного направления трансценденталистов.

<sup>2</sup> Хоуэллс Уильям Дин (1837—1920) — американский писатель и критик, один из родоначальников реалистического романа в США. Поклонник и популяризатор Толстого у себя на родине.

<sup>3</sup> Фаррар Фредерик Уильям (1831—1903) — английский писатель-богослов, филолог, член Королевского общества. С 1895 г. — настоятель Кентерберийского собора. Автор двух статей о Толстом («Граф Лев Толстой» и «Религиозные взгляды Толстого», обе опубликованы в 1888 г.). Толстой был знаком с этими статьями, считал их плохими, а о самом авторе говорил: «Фаррара я терпеть не могу, фальшивый писатель» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*: Т. 1—90. М., 1928—1958, т. 65, с. 176).

<sup>4</sup> Сэвидж Майнот Джадсон (1841—1918) — священник-унитарянец, писатель и филолог.

<sup>5</sup> Де Вогиэ Эжен Мельхиор (1848—1910) — французский писатель, историк литературы, славист, популяризатор русской литературы во Франции.

<sup>6</sup> Карлейль Томас (1795—1881) — английский писатель, публицист, философ-идеалист, развивал субъективистскую теорию «героев и толпы».

полдень поспеть на поезд. Удивительно все же, чего можно достичь с помощью объяснения знаками, бумагой и карандашом. Менее чем через полчаса *тройка* стояла перед дверью с хорошими чехлами на сиденье и возницей, возвышающимся на козлах. Весь этот «агрегат» был настоящим русским, причем повозка представляла собой разновидность миниатюрной виктории<sup>7</sup>, очень низкая, ее днище едва ли более фута возвышалось над землей. Четыре маленьких колеса были прочными, тяжелыми и придавали экипажу солидный и надежный вид. Три лошади были запряжены бок о бок. Это были замечательные животные, полные огня и духа и, как я вскоре узнал, обладали «резвостью». Средняя лошадь была очень дюжей, над шеей у нее возвышалась *дуга*, к которой были присоединены концы оглобель. На верхушке *дуги* болтался колокольчик, который, когда мы ехали, звенел, как колокольчик коровы. Пристяжные были меньше ростом и более хилого сложения. Короткие вожжи, тянувшиеся от удила к сбруе, сворачивали им головы в стороны вместо того, чтобы скидывать их вверх, как у нас. У них тоже были колокольчики, целая связка маленьких колокольчиков была надетая на каждую лошадь, и когда мы тронулись, их звон, в сочетании с более низким звоном большого колокольчика, создавал гармоничный перелив, который было приятно слушать. Упряжь была очень светлой. Наглазников не было, так как эти умные животные ни в чем подобном не нуждались, а у извозчика не было кнута: для управления лошадьми ему достаточно было голоса. Он мог заставить этих животных делать все, что хотел, просто переменной интонации.

Этот возница — у меня была хорошая возможность рассмотреть его по дороге из Тулы до Ясной (около 15 *верст*) — носил типичную одежду русских извозчиков: большие сапоги, а на нательном белье *кафтан*, забавная смесь старушечьей юбки и одежды священника, сильно набитый ватой на спине и почти достигающий земли, с причудливо украшенным ремнем, перехватывающем его в талии. Его шляпа, обтянутая крепким шелком, была почти вполтину ниже тех, которые сейчас в моде. Она расширялась кверху в форме колокола и имела забавные поля. Возьмите простого человека, облачите его в этот костюм, и вы получите забавную картину. Как вы можете себе представить, грузный русский крестьянин в таком костюме будет выглядеть неуклюжим и неловким.

Закутавшись в свои одежды, я дал знак своему извозчику трогать. Он подобрал вожжи, издал странный звук наподобие «трол-л-л-л-л», и мы покатали в верх холма по главной улице города, вся середина которой была изрыта рабочими, прокладывавшими рельсы для конки. Моя упряжка представляла великолепное зрелище. Средний жеребец устремился вперед скорой рысью. Два боковых жеребца понеслись галопом. Колокольчики весело зазвенели, а общее впечатление было бодрящим и волнующим. Вскоре мы достигли вершины холма, и перед нами выросла прекрасная белая застава с грязной дорогой по обе стороны от нее. Мы видели, как вдаль наша дорога протянулась между раскинувшихся огромных просторов, не отделенных никакими заграждениями. По временам мы встречали группы крестьянок в ярких костюмах, несших на голове или на плечах какую-то ношу в город. Встречали мы и длинные одинокие вереницы телег, везших товар, все извозчики шли вместе, предоставив своих лошадей самим себе. Когда мы проезжали мимо этих телег, мой возница издавал быстрый, рез-

кий крик, и тогда крестьяне сходили с дороги, всегда приветствуя меня, на что я вежливо отвечал.

Я не следил за временем нашего пути, но оно вряд ли заняло более часа, так быстро, не снижая скорости, мы проехали двадцать миль. *Извозчик* всю дорогу разговаривал с какой-нибудь из лошадей. Они, по-видимому, хорошо понимали его речь и отвечали полным послушанием. Если бы его слова перевести, они звучали бы примерно так: «Ступай, милый голубок, пошевеливай-ка ногами. Беги быстро, мой красавец, тогда получишь столько овса, сколько никогда не видел. Что-то ты ленишься сегодня, душа моя. Уж не хочешь ли ты здесь замерзнуть, заморыш? Осторожно, батюшка, вот там камень. Осторожно, осторожно, это дорога не для царя. Куда ты смотришь, проклятый? Жеребяткам твоей матери не следует заезжать в такие ямы. Теперь поторопись, котенок! Седок обещал мне рубль на чай, если ты поторопишься».

Поворот с большой дороги, короткий путь по бездорожью, переезд через маленькую речку, въезд через ворота в прекрасную аллею, затененную деревьями, нижние ветви которых следовало бы обрезать, открытая площадка — и передо мной летний дом человека, которого я приехал навестить из такого далека.

Ничего красивого или поэтического в нем! Дом был в обычном русском стиле — длинный, низкий, прямоугольный, двухэтажный, с крашеной железной крышей. Единственно что оживляло его красоту, была каменная площадка, а выше — балкон с верандой. Вокруг дома было мало свободного пространства и всего лишь несколько довольно бедных цветочных клумб, но для американца, привыкшего к опрятным и красивым загородным домам, даже у среднего населения из наших восточных штатов, этот летний дом русского помещика выглядел довольно бедным.

Лай собак объявил о моем прибытии, и в дверях появился молодой человек, который обратился ко мне по-немецки. Он попросил меня выйти из экипажа и отправил мою упряжку в конюшню. Графа не было дома, он в поле или в деревне; но если я войду в дом и подожду, он вернется до десяти часов и будет рад видеть меня. Мои рекомендательные письма были получены здесь до моего приезда, и поэтому я чувствовал себя не совсем чужим.

Кабинет, в который меня провел молодой человек, представившийся учителем немецкого языка, был без ковров. Это была небольшая комната, ставшая еще меньше оттого, что ее разделили на две части деревянной некрашеной перегородкой, наполовину не достигавшей потолка. На этой перегородке висела пара деревянных грабель, в углу стояла лопата, там же на вешалке висело большое пальто, которое, очевидно, хозяин одевал, когда работал в поле. По другую сторону от перегородки стояло старое, но легкое кресло, а перед ним — рабочий стол, на котором в беспорядке валялись книги и бумаги. Рядом с креслом, в углу, стоял другой стол, на котором были разложены по темам трактаты Толстого и его книжки для народа. В нише стены, позади кресла, стоял мраморный бюст — явно одного из

---

<sup>7</sup> Легкий двухместный экипаж.

Толстых<sup>8</sup>, чего нельзя было не понять по сильному семейному сходству. Различные небольшие фотографии и портреты висели на стене, среди них очень хороший портрет Чарлза Диккенса, больше, чем другие, размером. С любопытством впившись взглядом в книжный шкаф, стоявший рядом с открытой дверью в зал, я увидел среди французских, русских и английских книг две книги американских авторов — стихотворения Уитьера<sup>9</sup> и «Посмертные произведения Генри Джеймса». Так как у меня было время подождать, пока появится граф, я взял последнюю книгу и увидел, что она сильно потерта и ею явно пользовались.

Молодая девушка лет четырнадцати вошла в комнату и поздоровалась со мной. Она отлично говорила по-английски, так же как и другой ребенок Толстого: мальчик десяти лет, который был на попечении учителя немецкого языка. Позже, когда я сидел наверху в столовой и пил чай с графом, появились две его старшие дочери и сын лет двадцати, которые, войдя в комнату, первым делом подошли к своему отцу и поцеловали его, а затем вежливо поклонились мне и пожелали доброго утра.

Но я забегаю вперед. Вернемся к графу и тому, каким я его увидел впервые. Пока я сидел в кабинете, поджидая его, у меня было время перебрать в уме многие случаи из жизни писателя и внимательно рассмотреть комнату, в которой им было написано так много сочинений.

Если условия и обстановка сильно влияют на формирование мысли человека, то именно здесь, где автор проводит большую часть времени с 1860 года, и следует искать многое из того, что сделало его таким, какой он сейчас есть. Что же это многое? Прежде всего простота, а затем предельная обнаженность существования. То, что человек, который живет и думает в этом доме, получает мало пищи от других мыслителей, очевидно. Книжки, которые лежат вокруг, немногочисленны и не особенно наводят на размышления. Здесь полностью отсутствует искусство. Нет ни эскизов, ни картин, ни статуэток, ничего, кроме того, о чем я уже упомянул. То, что появляется здесь на свет, тонко соткано силами собственного интеллекта. Буйная роскошь природы, богатство устремлений и талантов большой семьи и крестьянское окружение — это, и только это одно, помогает тому уму, который годами пытается разрешить проблему высшей цели и предназначения человека; отсюда новизна и оригинальность всех родившихся в этой обстановке мыслей.

Шаги снаружи на каменном крыльце. Мои мечтания прерваны самим графом, который входит в комнату после прогулки в деревню. Я сразу узнаю его по многим фотографиям, выставленным в витринах магазинов Москвы и С.-Петербурга. Очень любезно, мягким, приятным голосом он здоровается со мной на моем родном языке. Я рассказываю ему о том интересе, который его книги вызвали в Америке, и как, приведенный ими в восторг, я приехал в Россию, чтобы, помимо прочего, повидать его, поговорить с ним и поблагодарить его лично за помощь, которую он мне оказал. Мне казалось, ему польстило это откровенное признание, и он сразу начал говорить об Америке. Я был удивлен его обширным знанием нашей страны: ее писателей, мыслителей и различных религиозных сект. Он читал статью г-на Кеннана о себе в журнале «Century»<sup>10</sup>, а также две проповеди г-на Сэвиджа<sup>11</sup>, трактующие несколько критически его теперешние религиозные взгляды. Вторая проповедь г-на Сэвиджа принесла ему некоторое

разочарование: он был удивлен тоном унитариянского богослова. «Не кажется ли Вам, — сказал я, — что г-н Сэвидж не видит в словах Христа высшего суда?» «О нет, — сказал он, — Вы не совсем правильно понимаете суть дела. Ведь я принимаю слова Христа вовсе не просто потому, что их произнес Христос, а потому что чувствую в них истину». Это естественно привело к беседе о его современных богословских взглядах, во время которой он изложил мне свое определение христианина. «И человек не может стать таким христианином, — продолжал он, — если не хочет жить совсем просто. Если я заставляю слугу делать неприятную или грязную работу просто ради своего собственного удобства и счастья — я не истинный христианин; если я заставляю вон ту женщину стирать мне исподнее белье на реке, простужаясь и надрываясь, я не христианин. Если я заставляю других людей выполнять работу, которая приводит их в соприкосновение с низменными вещами, и таким образом помогаю растлевать их души — я не христианин; если я ношу белые накрахмаленные рубашки, над которыми другие должны трудиться, обливаться потом и мучиться, для того чтобы выстирать и как следует выгладить их, — я не христианин, потому что, поступая так, я способствую их унижению и мучению, заставляя их тратить свои жизни на бесплодные и бесполезные дела просто ради своего собственного тщеславия».

Эти слова, естественно, привлекли мое внимание к одежде графа. Я заметил, что он носил грубую блузу, застегнутую на груди и подпоясанную кожаным ремешком, темные брюки из обычной шерсти и простые тяжелые сапоги. Он отказался от воротничков, галстуков и манжет, так же как от жилетов и сюртуков: его одежда была крайне простой и совсем не добавляла никакого очарования облаченному в нее большому и подвижному телу — и все же, несмотря ни на какую одежду, очарование было — магнетическое и влекущее. Вы ощущали его, хотя и не могли выразить словами, и в ответ ему все, что было самого благородного в вас, стремилось наружу. Интерес и симпатии Толстого к собеседнику заставляют последнего высказывать самое сокровенное. Потом, когда вы остаетесь один, вы удивляетесь тому, что беседа была такой задушевной и доверительной. Это одна из характерных черт великой души. Толстой проникает внутрь — становится частью всех других, радуется их радостью, печалится их печалью. Это высший вид сочувствия; перед ним все второстепенные условности исчезают. Зачем же тогда удивляться тому, что перед таким человеком вы изливаете все свои мелкие надежды и желания?

Потом, когда я ехал в Тулу, я чувствовал, что, хотя я приехал в Ясную Поляну с твердым намерением, чтобы к моему собственному эгоисти-

<sup>8</sup> Бюст Николая Николаевича Толстого (1823—1860) — брата Л. Н. Толстого.

<sup>9</sup> Уитьер Джон Гринлиф (1807—1892) — американский поэт, высоко ценимый Толстым, который относил его к плеяде великих писателей США, выступавших против рабства.

<sup>10</sup> Речь идет о воспоминаниях Дж. Кеннана о встрече с Толстым. См.: *Ken-  
nan G. A Visit to Count Tolstoi. — The Century Illustrated Monthly Maga-  
zine, New York, 1887, Jun., vol. 34, N 2, p. 252—265* (рус. пер.: Л. Н. Тол-  
стой в воспоминаниях современников, т. 1, с. 364—380).

<sup>11</sup> Содержание этих проповедей неизвестно.

ческому удовлетворению говорил во время встречи лишь Толстой, в действительности половину времени мне пришлось говорить самому. Толстой поглотил меня, вызвал наружу все, что скрывалось во мне, и мощь его аналитического ума подвергла меня подробному анализу. Все это я остро осознал потом. После того как я вернулся в Денвер, я нашел следующие слова во французской статье о Толстом. Они точно выражают то, что я считаю истиной:

«Толстой сохраняет известную простоту характера в обществе других людей, что кажется невозможным для писателей нашей страны; он замечает, слушает, проникает во все, что постоянно видит и слышит с точностью, которой мы не можем не восхищаться. Не довольствуясь описанием отличительных черт общей физиономии общества, он разлагает их на первоначальные элементы с величайшим пониманием и проникновением, постоянно жаждая знать, как и почему совершено действие; прослеживая подлинную мысль, скрытую за видимым поступком, он не успокаивается до тех пор, пока не обнажит его, отрывая его от сердца со всеми его тайными корнями и нитями»<sup>12</sup>.

Есть что-то прекрасное в лице Толстого, когда он говорит, хотя, когда он молчит, вы едва ли назовете прекрасным широкий суровый лоб, обожженное солнцем лицо, широкий большой нос, косматые седеющие усы и бороду. Оно, скорее, сильное и властное, нежели красивое. Оно привлекает вас чем-то внутренним, скорее душой, чем внешним обаянием, которого наше воображение ждет найти в великом человеке.

Около десяти часов нас пригласили на чай, и мы поднялись наверх по лестнице в обширную столовую. Она, так же как и любая другая комната дома, была подчеркнута очень простой. Одна из старших дочерей сидела за самоваром и угощала чаем графа и меня. Завтрак был обычным, за исключением чая и хлеба граф ел мало. Хотя мясо подают за обедом и ужином, Толстой никогда не ест его, он довольствуется овощами, хлебом и чаем, даже не позволяет себе стакана вина или сигары. Он спросил меня, что я думаю о воздержании и верю ли я в запрет на спиртное. Я сказал ему, что, по моему, едва ли самым мудрым путем является заставлять людей поступать правильно силой закона, но я искренне склоняюсь в пользу любой меры, которая должна привести к ограничению питья вино и помочь воздержанию.

«Согласен с вами,— сказал он.— Я не верю в запрет, но сам ничего не пью. Я, как вы говорите, „трезвенник“. Это помогает мне оказывать влияние на мужиков, когда я пытаюсь уговорить их бросить пить водку». Тут он, кстати, рассказал мне о том, как один из его мужиков, красивый молодой парень, убедил себя никогда больше не пить и как ему хотелось выпить в день крестин своего ребенка. «Теперь-то, в момент искушения и настало твое время убедиться,— сказал Толстой ему,— насколько ты силен, и показать без колебания себе и мне, что ты можешь устоять перед грехом».

Так Толстой постоянно работает во имя исправления окружающих его людей низшего сословия. Он рассказал мне о своих усилиях привить свои взгляды крестьянам, о том, как он написал много коротких рассказов, преподающих уроки христианской добродетели. С помощью некоторых заинтересованных московских друзей он издал их так, что мог продавать по низкой цене в 1½ копейки, или полцента за книжку. Тысячи из них были распроданы, но недавно правительство наложило запрет на многие

из них, и этому направлению в работе Толстого был нанесен сильный ущерб.

В виде примера правительственного вмешательства в личные дела граф рассказал мне, как этой весной он шел из Москвы в свое имение<sup>13</sup>, пройдя с котомкой за спиной около 270 миль. По ночам он останавливался на ночлег в крестьянских избах, а днем перебивался как мог. Однажды вечером он остановился в доме одинокого старого солдата, младшего сержанта, или что то в этом роде, воевавшего в польскую кампанию. Этот солдат сильно страдал от ревматизма и все же ночью он рассказал, что больше всего мучился угрызениями совести, вспоминая о тех, кого он забил до смерти<sup>14</sup>. Их лица, образы являлись ему во сне. Этот рассказ произвел такое впечатление на Толстого, что он переработал его в простой рассказ, назвав «Николай Палкин». Цель рассказа — показать, что творящий жестокость достоин большего сожаления, чем его жертвы. Молодой друг Толстого с готовностью отпечатал рассказ на гектографе, и за это московские власти заключили его в тюрьму<sup>15</sup>. Толстой пошел к начальнику жандармского управления и просил об освобождении молодого человека. Спустя некоторое время Толстому приказали еще раз явиться и объяснить все дело. Он не сделал этого и вернулся в Исную Поляну. Впоследствии дело было прекращено и молодой человек освобожден.

Здесь я позволил себе спросить его, почему он не излагает свои новые взгляды в форме романа, так как в этом случае они могли бы дойти до читающей публики всего мира. Он не согласился со мной. «Общественное мнение нельзя сформировать романами,— сказал он.— Те, кто читает романы,— огромная масса людей — читают их ради сюжета. Им нет дела до смысла. Это слишком ненадежный путь говорить правду, и он не дает успеха. Нет, я больше не буду писать романы».

Я упомянул о Диккенсе и о работе, которую тот проделал. Толстой высказал восхищение Диккенсом, потом наша беседа естественно перешла на писателей.

«Америка,— сказал он,— породила сильных и оригинальных мыслителей: Эмерсона, Торо<sup>16</sup>, старшего Джеймса<sup>17</sup> — они правдивы и естественны. Мне нравится,— продолжал он,— литературный стиль Генри Джорджа за его чистоту. Я делаю различие между английскими и американскими писателями. Меня не интересует английская научная школа — Миль<sup>18</sup>,

---

<sup>12</sup> Французский источник установить не удалось.

<sup>13</sup> Толстой совершил путешествие 17—22 апреля 1888 г. См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, 1828—1890. М., 1958, с. 694—695.

<sup>14</sup> Ошибка. Этот разговор происходил в ночь с 7 на 8 апреля 1886 г., когда Толстой останавливался на ночлег у 95-летнего николаевского солдата в д. Домнино под Серпуховым. См.: *Гусев Н. Н.* Указ. соч., с. 632, а также журнал: Октябрь, М., 1978, № 8, с. 220.

<sup>15</sup> Речь идет о Михаиле Александровиче Новоселове (1864—?), последователе Толстого в 80—90-х годах.

<sup>16</sup> Торо Генри Дейвид (1817—1862) — американский писатель и общественный деятель. Примыкал к трансценденталистам. Творчество Торо высоко ценил Толстой.

<sup>17</sup> Джеймс-ст. Генри (1811—1882) — писатель и религиозный философ.

<sup>18</sup> Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский политический деятель и философ, сторонник капиталистической конкуренции. Толстой крайне

Спенсер<sup>19</sup> и другие; выводы, которые они предлагают, отвратительно жестоки. Мэтью Арнолд<sup>20</sup> тем не менее приятный и глубокий по мысли писатель. Когда я читал его «Литературу и догму», я был поражен тем, что обнаружил ту же самую мысль, которую и я пытался выразить и которую вы найдете в моей книге «О жизни». Когда я писал свою книгу, я еще не читал Мэтью Арнолда.

Я пытаюсь закончить серию книг. Может быть, не все они будут опубликованы при моей жизни. Тут я надеюсь на Америку. Вот эти книги по порядку: „Исповедь“, „Критика догматического богословия“ (не изданная), „Соединение и перевод четырех евангелий“ (не издано), „В чем моя вера?“ — популярно резюмирующие все, что я назвал».

«А что вы кладете в основу своей проповеди?» — спросил он, внезапно изменив тему беседы. Я сказал ему, что мои проповеди на практические темы и что за основу я взял европейскую и христианскую заповедь «люби ближнего своего, как самого себя». Я не помню всего, что он сказал в ответ. Сначала он говорил о любви, а затем показал мне, насколько невозможно любить ближнего, пока в душах есть зависть, ведущая к ненависти, зависть, порожденная тем, что человек имеет то, что хочет иметь другой. «Уничтожьте собственность, особенно земельную собственность, и это будет первый шаг».

В конце нашей беседы он рассказал мне о замысле одной большой работы, которую он собирается осуществить. Насчет ее издания в Лейпциге он уже договорился. Это будет книга извлечений из разных авторов, цель которой — показать, что Толстой не одинок в своих воззрениях, что многие из них, особенно взгляд на доктрину противления злу<sup>21</sup> (которая является краеугольным камнем веры Толстого), существуют веками. «Я удивлен, — сказал он, — что вы, в Америке, уделяете так мало внимания высказываниям ваших собственных мыслителей на этот счет. Есть Гаррисон<sup>22</sup> и его теория непротivления. Я писал об этом сыну Гаррисона<sup>23</sup>, но не получил ответа».

А вы, разве вы не боретесь за то, чтобы претворить в жизнь эти истины? И почему вы — унитарии, квакеры и либеральные менониты — не объединитесь?»

Почему же мы не объединяемся?...

Когда я поднялся, чтобы идти, он задержал меня на мгновение, чтобы рассказать об этом своем самом последнем замысле и спросить, не уделю ли я время и внимание сбору и отправке ему выдержек из произведений известных американских писателей, которые можно было бы использовать для этого издания\*.

В этот момент моя *тройка* подкатила к дверям. Я уже сильно опаздывал. Быстрое пожатие руки, «до свидания», и я ушел.

Надо мной холодное серое небо, длинный ряд низких холмов вдали, поле поспевающей пшеницы, стая ворон, в испуге вспорхнувшая передо мной. В то время как моя *тройка* неслась по ровной дороге, я повернулся, чтобы посмотреть назад. Один последний взмах руки и слабые слова Толстого донеслись до меня: «Так вы поможете мне?»

Денвер, Колорадо, май, 1889.  
Его превосходительству графу Льву Толстому,  
Москва, Россия

Мой дорогой граф.

Я только что кончил писать вашей родственнице графине Юнге<sup>24</sup>, рассказывая ей о своей трудности решиться написать вам. Я не забыл очарования того дня в сентябре прошлого года, когда был гостем в вашем доме в Ясной Поляне. Наша беседа произвела на меня глубокое впечатление, и, я думаю, с тех пор мои проповеди в большей или меньшей степени передают буквальный смысл слов Христа, на чем вы тогда сделали акцент. В конверте вы найдете мое описание того утреннего визита.

Я не забыл об обещании, которое я тогда дал, и послал через друга (г-жу Екатерину Романову)<sup>25</sup> книги и брошюры, которые, может быть, будут полезны вам. Одна из них о христианском непротивлении прекрасно иллюстрирована, и вам она, вероятно, будет полезна. Вы, конечно, как и я, будете рады узнать, что многие священники в Америке приходят к вашей трактовке Нового завета. С каждым днем придается больше значения жизни и словам Христа и все меньше и меньше вере и догме.

Эдуард Эверетт Хейл<sup>26</sup>, один из наших унитарийских священников, организовал Толстовский клуб в Бостоне, но вы, конечно, уже слышали об этом раньше.

Я знаю, как ценно ваше время, и поэтому не буду занимать его более. Если можно, напишите мне несколько строк, с тем чтобы я был уверен, что вы получили книги через г-жу Романову. Еще раз благодарю за всю вашу доброту и помощь, оказанную мне. Остаюсь с искренними пожеланиями графине Толстой.

Искренне Ваш Томас Ван Несс

---

отрицательно относился к философии Милля, считая ее величайшим вздором и бессмыслицей.

<sup>19</sup> Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог. В своих трудах распространял эволюционную теорию Дарвина на человеческое общество. Толстой был противником его эволюционной теории.

<sup>20</sup> Арнолд Мэтью (1820—1888) — английский поэт и критик, отстаивал высочайшую воспитательную роль искусства. Одним из первых в Великобритании оценил талант Толстого-реалиста.

<sup>21</sup> Так в тексте.

<sup>22</sup> Гаррисон Уильям (Вильям) Ллойд (1805—1879) — американский писатель и политический деятель, активный сторонник движения за освобождение негров от рабства.

<sup>23</sup> Известно лишь черновое письмо Толстого Уэнделю (Венделю) Филлипсу Гаррисону (1844—1907) — от марта-апреля 1886 г. (Толстой Л. Н. Указ. соч., т. 63, с. 344) и ответное письмо Гаррисона от 5 мая 1886 г. Подлинник письма Толстого не обнаружен.

\* «Г-н Ван Несс просил нас сказать, что он будет рад направить графу Толстому подобные выдержки, которые могут быть направлены по его адресу: Денвер, Колорадо (Примеч. журн. «Юниверсити мэгэзин»).

<sup>24</sup> Юнге Екатерина Федоровна (1848—1913) — троюродная сестра Толстого, художница.

<sup>25</sup> Кто такая Екатерина Романова, установить не удалось.

<sup>26</sup> Хейл Эдуард Эверетт (1822—1909) — американский богослов и писатель. Занимался филантропической деятельностью.

31 мая 1889 [г.]

Милостивый государь,  
Лев Николаевич.

Прилагаемое письмо и вырезка из газеты присланы мне на днях Мг-ом Van Ness для передачи Вам. Mr. Van Ness писал Вам несколько писем и, не получая ответа, думает, что они пропали, потому последнее письмо он просит меня переслать Вам. Он пишет также о книгах и брошюрах для Вас, к[отор]ые давно уже посланы им на мое имя, но книг я, к сожалению, еще не получила и, вероятно, не получу сама, п[отому] ч[то] в начале июня уеду из Москвы. Во всяком случае к[а]к только книги придут, их получают для меня и перешлют Вам, если только цензура их не задержит.

С совершенным уважением имею честь быть

Е. Романова.

Если Вы пожелаете ответить Mr-y Van Ness'у, то вот его адрес:

Rev-d Thomas Van Ness  
Unity Church  
Denver  
Colorado  
United States [of] America